

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КОЧЕВНИКОВ В СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХУ

Г. А. Федоров-Давыдов

В литературе XVIII — XIX вв. общество кочевников представлялось аморфным, лишенным структуры, диким, неорганизованным. Считалось, что кочевые орды объединяются предводителями, которые и вносят момент организации и упорядочения в кочевую стихию. Отсюда — идеализация военных предводителей тюркских племен. Только сильная личность может преодолеть анархию кочевой среды, и социальные противоречия исчезнут под ее эгидой — такую точку зрения развивал и В. В. Бартольд в ряде своих трудов. Но позднее он отошел от представления о кочевом обществе как об аморфном; темы социальной структуры номадов и последствий соединения ее с укладом оседлого населения зазвучали в его работах весьма отчетливо.

С вопросом об общественном строе номадов соприкасается и проблема личности Чингис-хана. Если общество кочевников бесструктурно и хаотично, то Чингис-хан — историческое явление, необъяснимое предшествующей эволюцией кочевников-монголов. Если же общество последних развивается как определенная система отношений, то Чингис-хан являлся выразителем этой системы независимо от того, какими личными свойствами он обладал. В этой связи характерна эволюция взглядов Б. Я. Владимирцова: от оценки Чингис-хана как «исторического чуда» к теории «кочевого феодализма»¹, в соответствии с которой этот завоеватель, его войны и его государство стали звеном в развитии монгольского общества. Однако именно теория «кочевого феодализма» в настоящее время пересматривается рядом ученых, среди которых наиболее определенно свое мнение изложил С. Е. Тольбеков².

Бесспорно, теория «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцова во многих своих частях устарела. Сразу после выхода его книги были высказаны сомнения по поводу аналогий с феодальной Европой³. Уровень феодализации монголов был Б. Я. Владимирцовым явно преувеличен; оказалась спорной его теория «унаган-богола»⁴; отпало представление о «кочевом феодализме» как об обществе кочевников без

¹ Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан. Берлин. Птгр.-М. 1922; его же. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. 1934.

² С. Е. Тольбеков. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата. 1971. См. рец. И. Васильченко на эту работу («Вопросы истории», 1974, № 4).

³ А. Ю. Якубовский. Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды. «Исторический сборник». Т. V. М.-Л. 1936.

⁴ Этим термином Б. Я. Владимирцов называл категорию населения в монгольском обществе, статус которой он сближал с положением крепостных оседлых феодальных стран. Критику см.: Э. Р. Рыгдылонов. О монгольском термине онгу-богол. «Филология и история монгольских народов». М. 1958; Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973, стр. 36 и сл.

городов. Требуют уточнения его взгляды на соотношение аильного и куренного способов ведения кочевого хозяйства⁵. Но признание феодального способа производства у монголов эпохи Чингис-хана и у других кочевников на разных стадиях их развития является заслугой Б. Я. Владимирцова. Было бы ошибкой полностью отрицать его теорию, утверждать, что кочевники не могут по самому существу своего хозяйства пройти стадию феодализма, а в состоянии дорости только до переходной (от первобытнообщинной стадии к феодальной) ступени, которую исследователи называют по-разному («патриархально-феодальный этап», «полуфеодальный», «прафеодальный» и т. п.).

По поводу того, что представляло собой общество у средневековых и позднесредневековых кочевых народов, было несколько дискуссий⁶. Нам кажется, что проблема феодализма у кочевых народов сводится к наличию или отсутствию у них феодальной собственности на землю. В этом корень споров, и здесь взгляды ученых размежевались. Одни (например, С. Е. Толыбеков) считают, что феодальной собственности на землю у кочевников не может быть до перехода их к оседлости, хотя бы частичной. Но на чем же тогда основана эксплуатация в этом обществе, раз нет монополии на важнейшее средство производства? Эксплуатация осуществляется через собственность на скот, полагают эти исследователи. Другие ученые (например, С. З. Зиманов) утверждают, что в ряде явлений (общих у кочевников на определенных стадиях их развития) можно видеть феодальную собственность на землю, а эксплуатация через собственность на скот не являлась основной, так как верхушка общества не владела скотом монопольно.

Нам представляется, что в вопросе о феодальной собственности на землю (исследователи, отрицающие ее у кочевников, часто говорят о «частной» собственности на землю) допускаются неточности и анахронизмы. Частная собственность на землю достигает расцвета в капиталистическом обществе, когда земля юридически признается отчуждаемым товаром и собственнику предоставляются полные и единоличные права на земельный участок. В эпоху феодализма и особенно у кочевников земельная собственность выступает часто в завалуированной форме благодаря различным, иногда сильным, родоплеменным пережиткам патриархальной старины. В этот период следовало бы говорить не о частной, а о феодальной собственности на землю. Последняя может быть в форме и аллода, и расчлененной или иерархической собственности, и общегосударственной или княжеской и т. п., причем феодальная собственность сеньора на землю может совмещаться с общинным владением землей и общинным ее использованием непосредственными производителями, как это было в русской уравнильно-передельной общине⁷. Нам кажется, что замаскированность племенными и патриархальными пережитками (столь сильными и живучими в кочевом мире) феодальной сущности собственности на землю у кочевников в период средневековья и породила представление об отсутствии ее вообще.

Действительно, сторонники тезиса о том, что собственности («частной») на землю у средневековых кочевников не было, приводят массу сообщений и наблюдений относительно того, что у кочевников не су-

⁵ См. Г. Е. Марков. Очерки истории формирования северных туркмен. М. 1961, стр. 204.

⁶ См.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период» (1954). Ташкент. 1955; дискуссия на страницах журнала «Вопросы истории» в 1955—1956 годах. Полярные точки зрения изложены С. З. Зимановым («Общественный строй казахов в первой половине XIX в.». Алма-Ата. 1958) и С. Е. Толыбековым (указ. соч.).

⁷ С. Д. Сказкин. Избранные труды по истории. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1973, стр. 64—65; см. также В. А. Александров. Земельно-передельный тип сельской общины в позднефеодальной России (XVII—начало XIX в.). «Вопросы истории», 1975, № 10, стр. 53 и сл.

ществовало юридически зафиксированной «частной» собственности на землю, которая и в оседлых странах в средневековую эпоху была лишь одной из форм земельных отношений и полностью развилась много позднее. Но, зафиксировав и выявив специфику кочевнического хозяйства, особенности пользования и эксплуатации земли у номадов, их отличие от оседлого сельскохозяйственного использования земли, следовало бы именно в силу этих особенностей не отрицать феодальную собственность на землю у номадов средневековья, а выявить ее скрытую, «неявную» форму. У кочевников не было точно такой же формы собственности на землю, которая была у оседлых народов. Тем не менее у них существовала монополярная сословная феодальная собственность на землю, но в скрытом виде. В силу их кочевого образа жизни она была, во-первых, чрезвычайно неопределенной по своим границам и, во-вторых, реализовывалась через управление кочеванием зависимых от кочевого феодала групп номадов⁸. О регулировании кочевания и о распределении кочевых угодий между зависимыми от ханов группами номадов есть много свидетельств. Например, посол русского царя у ногаев писал в 1549 г. о распределении зимних кочеваний: «А Исупу, государь, сказывают, зимовати у Сарайчика на Яйке, а Смаилу и Кошумовым детям зимовать на Волге, а Уразлыю, государь, на Жеми, а Касаю на Каравле межь Ейка и Зодпай». Районы кочевий закреплялись за отдельными вассальными ногайскими беями. Образовалось даже пастбищное угодье «нураддинов» — удельное держание, даваемое непосредственному наследнику хана⁹. О сходстве этих явлений с феодальным землевладением писали многие ученые¹⁰.

Военная десятичная система Чингис-хана не была племенной. После распределения населения на сотни, тысячи и тумены в один и тот же тумен или тысячу могли попасть люди разных племен и наоборот. Такое деление было произведено вопреки старым племенным членениям (хотя иногда и совпадало с ними), часто шло вразрез им¹¹. Чем же в таком случае оно являлось? Во всяком случае, не искусственным мероприятием, рассчитанным только на войну, на упорядочение армии. Это была задача населения в уделы на условиях несения военной службы. В. Рубрук свидетельствовал, что «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свой стада зимою, летом, весною и осенью». П. Карпини рассказывал, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам»¹². Речь идет о месте не в армии, в строю, а о системе улусов (туменов и тысяч), условном военном держании с определенным земельным участком.

Тот представитель социальных верхов у номадов, который осуществлял управление и регулирование маршрутов кочеваний, являлся собственником земли в широком смысле, в том, в каком следует понимать феодальную собственность на землю как основную социально-экономическую категорию формации. Закрепление пастбищ за теми или

⁸ См. И. Васильченко. Указ. соч., стр. 195—196.

⁹ «Продолжение древнерусской виблиофики». Т. VIII. СПб. 1793, стр. 170; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 169.

¹⁰ См., например: А. И. Першиц. Некоторые особенности классового образования в обществах кочевых скотоводов. Конференция «Возникновение раннеклассового общества». Тезисы. М. 1973, стр. 48—49; Н. В. Устюгов. Научное наследие. М. 1974, стр. 200 и сл.

¹¹ Об этом см. свидетельства Рашид-ад-Дина (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, ч. I. М.-Л. 1952, стр. 55, 273, 277).

¹² «Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука». М. 1957, стр. 45, 91.

иными кочевыми коллективами наряду с властью над этими коллективами какого-либо представителя аристократии приводило к установлению собственности кочевых феодалов на землю. При этом проявлялась характерная особенность феодальной собственности — иерархичность и расчлененность. Власть над кочевым коллективом делила восходящая к хану иерархия кочевой знати, кочевых сенборов (эмиры и беки — сотники, тысячники, темники), а земля и пастбища, будучи собственностью аристократии, были во владении (чаще всего общинном) кочевых групп. Общинное владение землей (так же, как и уравнилельно-передельная русская община поры средневековья) не противоречило феодальной собственности на землю. Последнюю осуществляли в странах с оседлым населением сеньория, владелец манора, князь, боярин, барон и т. п., в государствах кочевников — хан, нойон, то есть тот, кому община, группа производителей-номадов была отдана в подчинение. Подчинение это выражалось в ряде повинностей и платежей, что и было экономической реализацией феодальной собственности, то есть феодальной рентой.

В эпоху первобытности распределение пастбищ осуществлялось вольнозахватным способом: «Аулы каждой родовой группы не потому кочевали одними и теми же путями и зимовали по соседству, что эти пути и зимние пастбища были когда-либо и кем-либо указаны, разграничены и закреплены, а потому, что каждый аул придерживался тех кочевых путей и остановок, где он мог скорее встретить своих ближайших родственников»¹³. Так было в действительности, но только на той стадии развития кочевого общества, которую можно сопоставить с первобытнообщинным этапом. Тогда вольнозахватным способом формировалась общинная собственность на землю, собственность всей кочевой группы — рода, общины и т. п. (так же, как, между прочим, формировалась она и в ряде оседлых областей). Но позднее на эту общинную собственность была наложена феодальная собственность верхушки кочевого общества при сохранении общины в той или иной ее форме. Процесс трансформации общинного землевладения в монопольную собственность сословия и класса феодалов шел и на оседлых землях. И там и здесь население вместе с землей, на которой оно обитает и хозяйничает, или (переставим акценты) земля с населением, обитающим и хозяйничающим на ней, распределяется тем или иным, обычно насильственным, путем между аристократией. Отличие было в том, что «обвешанная» множеством пережитков патриархального быта, правовых норм и обычаев племенного строя феодальная собственность на землю у кочевников приобрела неявные, нечеткие формы как в отношении неясности, расплывчатости границ земельных участков (которые в условиях кочевого быта, естественно, очень неопределенны, ибо речь шла об огромных пустынных пространствах), так и в том смысле, что собственность, как правило, не получала правового юридического выражения и актового закрепления.

Именно в перераспределении пастбищ и кочевого населения и проявился сословно-монопольный характер феодальной собственности на землю. Это перераспределение происходило в момент создания классового государства и четко фиксируется в ряде случаев, например, при завоевании Дешт-и-Кыпчака монгольскими войсками и образовании Золотой Орды. Монгольские ханы вытесняют старую кыпчакскую знать, становятся на ее место, управляют кочеванием половецких группировок, перераспределяют пастбища и районы кочевков, переселяют часть старого степного населения. Когда Чингис-хан и последовавшие за ним монгольские кааны и ханы перераспределяли население

¹³ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата. 1959, стр. 121.

между своими нойонами и огланами, формировали сотни, тысячи и тумены, они одновременно и перераспределяли пастбища, территории кочевок, выпасные угодья. И хотя некоторые ученые считают, что это перераспределение не привело к образованию новых, то есть этнических, а феодальных форм собственности на землю, мы склонны видеть в нем возникновение именно феодальной собственности на землю у кочевников.

Формируя улусы, свои тысячи и тумены, Чингис-хан и его преемники создавали кочевые бенефиции, которые позднее стали феодами. Монгольский нойон или нукер, получавший тумен или улус, получал определенное количество людей со скотом, определенное количество семей, родов, иногда из одного, а иногда и из разных племен. За это владелец улуса должен был выступать для ханской охоты и войны определенное число воинов и с ними участвовать в боях, занимая место в том или ином подразделении армии хана. Это была система феодальная, иерархическая с условным держанием улуса как кочевого бенефиция. Она являлась не повторением племенного деления монголов, а феодальной, новой по существу, «улусной» системой в рамках классового государства, лишь прикрытой пережитками племенного строя. От империи Чингис-хана с его улусной системой не было пути назад; она была необратимым этапом; общество не могло вернуться к первобытнообщинному строю, хотя и могло деградировать, утратив какие-либо новые черты и восстановив некоторые архаические, старые.

Коллективная, общинная форма собственности на землю у кочевников после образования классов и государства сохранилась, но рядом с ней возникла другая, монополярная собственность феодализирующей верхушки. Регулируя кочевание и размещение стоянок, знать получала преимущественное право на землю, возможность выделять своим стадам лучшие земли, устраивать свои заповедники. Но не это главное. Знать осуществляет свое господство над людьми, непосредственными производителями. Ее преимущественное право на землю, кочевые угодья становится ее монополярным правом, когда она противопоставляет себя общине¹⁴. А это именно и происходит при образовании государства. Как и всюду, у кочевников возникновение монополярной феодальной собственности на землю тесно связано с образованием государства и часто с перераспределением земли путем насилия, завоевания. Этот тезис совершенно не противоречит марксизму и не является возрождением теории Дюринга, как полагает С. Е. Тольбеков¹⁵. Ведь Ф. Энгельс возражал против понимания насилия как единственного первичного источника и власти одних людей над другими, и собственности, и эксплуатации. Он указывал, что само по себе насилие не может привести к данным социальным явлениям, если ему не предшест-

¹⁴ Возражая против тезиса о том, что феодальная собственность у кочевников принимает форму регулирования и безоговорочного распоряжения кочевыми территориями и перекочевками, Г. Е. Марков писал: «С таким же основанием «феодальные» права можно найти у предводителей охотников в первобытном обществе» (Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. СЭ, 1970, № 6, стр. 76). Но эти первобытные предводители тем и отличаются от богатой кочевнической знати эпохи средневековья, что эта знать в результате классовобразования и социальной дифференциации (которую нельзя игнорировать) противопоставит в своих эгоистических материальных интересах обществу, общине кочевников, располагает силой подчинения и принуждения, которую тоже, несмотря на большую вооруженность масс кочевников, чем оседлого населения (которое, кстати, тоже принимало участие в ополчениях и вооружалось), отрицать невозможно. Распоряжение перекочевками становится из права общинного вождя (базирующегося на авторитете) феодальным правом, основанным на принуждении со времени возникновения государства в связи с перераспределением им кочевнического населения и пастбищных территорий.

¹⁵ С. Е. Тольбеков. Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века, стр. 224.

ует длительный процесс социальной и имущественной дифференциации, то есть процесс классовообразования и общественного разделения труда. Оформление же классов (завершение этого процесса) совпадает с образованием государства, часто непосредственно связанным с жесточайшим насилием и войнами¹⁶. Для того, чтобы возникла феодальная собственность на землю, требовался определенный уровень сначала имущественной, потом социальной дифференциации. Имущественная дифференциация идет часто по линии накопления имущества, представленного не землей, а драгоценностями, скотом — движимой формой богатства. Так было и у кочевников, где распределению земель и пастбищ с кочевавшим на них населением предшествовал длительный процесс разделения имущества, и в первую очередь скота. Неравномерность владения скотом не опровергает феодальную собственность на землю у кочевников, а является ее условием.

Признание наличия у кочевников феодальной собственности на землю не исключает того, что баи или ханы были крупными скотовладельцами и при помощи скота, сдавая его в аренду, осуществляли эксплуатацию. Условием эксплуатации производителей было внеэкономическое принуждение, основанное на прямой власти над ними. Дело заключалось не в том, что богатый собственник скота давал лишенному его производителю скот в аренду и потом в качестве платы получал от него прибавочный продукт (и такое было, конечно); суть эксплуатации состояла не в этих свободных юридически, чисто экономических взаимоотношениях. Не потому работал бедняк-кочевник на бая или нойона, что не было у него своего скота (хотя так бывало и нередко в средние века: не имевшие скота бедняки образовывали временно переходящие к оседлости слои, так называемые джаттачества). Не потому работал крестьянин на феодала и отдавал ему прибавочный продукт, что у него не было земли и инвентаря, рабочего скота или зерна для посева (хотя так тоже бывало). Сущность феодальной эксплуатации заключалась в ином: земля у крестьянина имелась, он даже был к ней часто прикреплен. Феодал взимал прибавочный продукт или труд крестьянина потому, что располагал властью над ним в силу внеэкономического принуждения и наличия земельной феодальной собственности. При этом крестьянин, как правило, продолжал вести свое собственное хозяйство.

Суть феодальной эксплуатации в обществе кочевников состояла в том, что у бека или хана была масса зависимых от него людей, зависимых в силу военной мощи хана, традиций племенного подчинения, традиций, поддержанных дружиной хана, в силу, наконец, раздачи верховной властью части кочевого населения в удел, во владение, в условное или иное улусное держание и вследствие коммендаций. Эта зависимость являлась той основой, которая давала ханам возможность получать прибавочный продукт в виде дани, приношений, сбора натурального продукта, управлять перекочевками, привлекать людей подчиненного коллектива к выполнению различных служб, начиная от участия в «благородной» охоте и кончая уходом за ханским скотом. Но эта власть над людьми, данными в удел (улус у монголов), была связана с собственностью на большой участок земли — территорию кочеваний улуса (юрт).

В земледельческих странах внеэкономическая власть сеньора над производителем давала возможность взимать прибавочный продукт, ренту, но не определяла, не конституировала ее. Ренту определяла земельная феодальная собственность, то есть комплекс обязанностей по отношению к сюзерену, приписанный тому или иному земельному держанию, закрепленный обычаем, законом, обусловленный экономическими возможностями хозяйства на этой земле. Феодальная поземель-

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 162—189.

ная собственность вносила структурную упорядоченность в общественные отношения, без нее в средневековом обществе был бы полный социальный хаос. Так было и в обществе кочевников. Не просто внешнеэкономическим принуждением и властью над людьми, данными в удел какому-либо аристократу, ограничивалось дело и определялась рента (в виде продуктов, налогов или отработок). Сама совокупность этих повинностей, установленная реальным соотношением обычаев, законов, экономических возможностей скотоводческих хозяйств, соображениями общегосударственной целесообразности и т. п., закрепленная и приписанная тому или иному кочевому подразделению — улусу, оказывалась комплексом платежей и повинностей, приписанных одновременно тому или иному земельному участку, обычно целому округу.

Наличие таких социальных отношений в кочевом обществе зафиксировано многими исследователями. Вот, например, как характеризуется общество башкир недавнего прошлого. «Некоторые феодалы имели до десяти и более зависимых от них пастбищных кочевых групп, за которыми, как за обычными родовыми подразделениями, закреплялись определенные пастбища... Башкирские феодалы раздавали скот на выпас зависимым сородичам, в этом случае родовое подразделение сохранялось, но его стадо состояло уже из скота бая. Аймак продолжал кочевать на своих традиционных кочевьях со скотом феодалов. Феодалская верхушка башкирского общества устанавливала... фактическую собственность на огромные земельные вотчины, которыми она распоряжалась в силу существования патриархально-родовых традиций»¹⁷. При феодальной собственности сдача на выпас скота есть своего рода отработочная рента, как бы «кочевая барщина», один из способов эксплуатации¹⁸, основанный на власти над кочевым аймаком, маскируемый патриархально-родовыми традициями. Другим способом был сбор дани, налога, ясака, калана, копчура и т. п., то есть ренты-налога в продуктовой или денежной форме.

Таким образом, если рассматривать феодальную собственность на землю не как частную собственность типа капиталистической и не как частную земельную собственность, существовавшую в античном мире, а как власть над определенной территорией и людьми, на ней обитающими, то такая собственность на землю у кочевников имела, хотя часто в завуалированной форме. В период феодализма очень силен был элемент внешнеэкономического принуждения, что всегда подчеркивают исследователи средневековья. Но если понимать собственность только как экономическое орудие эксплуатации, каким является частная собственность на средства производства при капитализме, то этот элемент исчезнет. Феодальная собственность на землю была именно потому феодальной, что предполагала не отчуждение земли от производителя продуктов земли (только при этом возможны чисто экономические основы эксплуатации производителя), а соединение земли с ним, но под властью феодала. Именно власть феодала, или феодального класса в целом (воплощенного в правителе, хане, короле, халифе и т. п.) над производителями продуктов земли, не только не отчуждающая производителя от земли, но присоединяющая его к ней, прикрепляющая часто его к земле, и является сутью феодальной эксплуатации. Поэтому при феодальной собственности имеется двойное или многостепенное владение землей, ею одновременно владеют и крестьянин и феодал или все сословие феодалов.

Феодальная собственность на землю была категорией господства, внешнеэкономического принуждения. Ее не мог заменить никакой другой

¹⁷ Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. «Археология и этнография Башкирии». Т. I. Уфа. 1962, стр. 208.

¹⁸ См. И. Васильченко. Указ. соч., стр. 197.

вид собственности, так как только в категориях территориальных могла в средневековье осуществляться власть над людьми. Даже у кочевников, где власть распространялась не столько на людей определенной территории, сколько на подвижный сплоченный общинными узлами коллектив людей, то есть на улус, всегда четко выступает понятие «юрт», то есть территория кочевков данного улуса, находящегося в подчинении у какого-нибудь знатного представителя верхушки общества. Улус неотделим от «юрта» — древней или новой территории кочевания улуса. Когда в удел оглану или нойону давался улус, то им давался и юрт этого улуса. Источники показывают терминологическое сопряжение этих понятий.

В. И. Ленин писал о том, что при родовом строе господствуют родовые связи, при феодализме — территориальные, при капитализме — национальные¹⁹. У кочевников, несмотря на пережитки родоплеменного строя, в средние века территориально-соседские связи преобладают над родовыми. Кочевая группа состоит из семей, не обязательно родственно связанных между собой, напоминая (в этом согласно большинство исследователей) соседскую оседлую общину. Генеалогические связи у кочевников обычно оказываются вымышленными и мифическими; они включают племена, которые состоят не из родственных, а из чуждых групп, втянутых в орбиту влияния того или иного знатного рода и получивших часто по этому роду или по имени его предводителя свое наименование²⁰. Территориальные связи неизбежно вели к тому, что власть над людьми приобрела в той или иной степени форму территориальной власти. Поэтому нам представляется необоснованным полный отказ от теории «кочевого феодализма», созданной Б. Я. Владимирцовым и развитой советской исторической наукой.

Система феодальных отношений существовала в ряде кочевых обществ, в первую очередь монгольском (эпохи Чингис-хана и его преемников), в Золотой Орде (в ее кочевой части). Это была сословная феодальная собственность на землю, реализуемая в управлении кочеванием; в эксплуатации рядовых кочевников, вынужденных следовать со своим скотом по указанным ханами и нойонами маршрутам; во власти над людьми, распределенными по юртам и улусам, признаваемой рядовыми кочевниками путем уплаты определенной доли своего продукта классу феодалов. Перед нами система феодальных пожалований улусов (то есть народа, данного в удел вместе со своим скотом, со своими юртами), иерархия вассалитета, растущий иммунитет феодальных пожалований и т. п. — типичные признаки феодализма. Они развиваются и без перехода к оседлости, хотя оседлость (сельская или городская) наличествует, но не она определяет причины и ход процесса, его главные черты. Кочевое общество само приходило к феодализму и не тогда, когда кочевники стали в массовом порядке переходить к оседлости, а уже в то время, когда кочевание у них превратилось из беспорядочного блуждания в передвижение по установленным маршрутам.

Как установились эти маршруты? Вначале их определяли сами кочевые общины произвольно, вольнозахватным способом; затем они закрепились как традиция; затем совершались по указанию хана, бека, феодала вообще, реализующего свою сословную собственность на пастбища и свою власть над людьми. Как феодальный собственник земельного участка хан, или нойон, или бек является и выступает в качестве правителя кочевого населения, данного ему в удел. И в кочевом обществе наблюдается то же, что в феодальном оседлом. «В феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной

¹⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 153, 154.

²⁰ С. А. Абрамзон. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. СЭ, 1970, № 6, стр. 72.

собственности», — писал К. Маркс²¹. Кочевые феодалы с течением времени получают в своем улусе право сбора прибавочного продукта — ренты и право судебного иммунитета (освобождаются от повинностей в пользу государя всей империи), иными словами, развивается тарханство, то есть феодальный иммунитет²². В кочевом средневековом обществе (как вообще в феодальном) существовало характерное недифференцированное воззрение на власть сеньора одновременно как на власть и собственника и правителя. Феодальный барон — и собственник своего феодала и правитель по отношению к его населению. Характерно, что термин, которым определялось кочевое держание — «улус» (то есть народ, данный в удел), стал обозначать и народ-государство, а позднее — просто державу, государство²³.

Оседлый крестьянин признает, что земля не его, а феодального сеньора, когда выплачивает ему натурой, деньгами или своим трудом ренту. Одновременно он признает и власть над собой этого сеньора и стоящего за ним всего класса феодалов, всего феодального государства. Когда простые скотоводы платят своему беку или хану подати и работают на него, содержа его скот и ухаживая за ним, они признают его своим правителем. Признание этого кочевого сеньора собственником земли, по сути дела, имеется и здесь в том, что скотоводы признают право хана или бека регламентировать их кочевания и указывать им районы зимних и летних пастбищ. Как и крестьянская семья, кочевой аил самостоятельно ведет свое хозяйство; он работает на сеньора-феодала не потому, что производитель лишен средств производства, а потому, что у феодала есть над ним власть, основанная на силе.

Нам кажется, что исследование вопроса о феодальной собственности на землю нужно начинать с выяснения зависимости крестьянина от феодала, а для кочевников — с отношений нойона, бека или оглана, с одной стороны, и улуса как кочевой группы, зависимой от них, — с другой. В оседлых странах эти отношения переходили, «транспонировались» на землю. К. Маркс писал, что при рабстве и крепостничестве земельная собственность есть «составная часть» собственности на личность непосредственного производителя²⁴. Было ли это так в обществе номадов, расчлененном на феодальные держания типа улусов? Да, было, хотя и не всюду и не всегда это оказывалось осознанным. Улус имел юрт, то есть свою территорию кочевок. Так образуются не только пожалования людьми (лены-улусы), но и держания земли (лены-юрты). Почему же не «транспонировались» отношения личной зависимости хана и простых номадов на их скот? Потому же, почему не произошло этого в оседлых странах: власть феодала над крестьянином перенесена была не на все его имущество, а на землю, ибо феодальный способ производства предполагает наличие у мелкого производителя собственного хозяйства, самовоспроизводство последнего.

Когда говорят о том, что кочевое общество может достичь в лучшем случае того уровня феодализации, который отмечается в раннефеодальных обществах типа Киевской Руси (для которых были характерны, по выражению К. Маркса, «вассальная зависимость без фьефов или фьефы, состоявшие только из даней»²⁵), то допускают ошибку. В ранний период феодализации имело место «окняжение» территории путем передачи массы людей под власть того или иного представителя феодального класса, было характерно пожалование власти над населением, в силу чего возникла возможность эксплуатации. На более развитом

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 344.

²² См. Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 124 и сл.

²³ Там же, стр. 114 и сл.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 183—184.

²⁵ K. Marx. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. L. 1899, p. 76.

этапе феодализма эта власть над населением окрашивается аграрными отношениями, преобразуется в феодальную собственность на землю. Сеньория «накладывается» на общину. В кочевом обществе задача власти над кочевым населением выступает очень ярко (раздел завоеванного населения Чингис-ханом между своими нукерами и нойонами). Власть хана или нойона с его ордой и нукерами «накладывается» на кочевую общину, кочевое племя. Орда — это своего рода «кочевая сеньория» — место присвоения и потребления прибавочного продукта, сосредоточение вооруженной власти сеньора, место, откуда он управляет массой номадов. Вначале такие феодальные лены-улусы не всегда имели четкую территорию, границы их юртов могли быть легко изменяемы. Но по мере развития этой системы кочевых наделов и держаний улус сросся с юртом, население — со своим районом кочевков, и в этом отношении у кочевых народов возникает феодальная собственность на землю.

Но следует ли отказываться от термина «патриархально-феодальный» строй, часто употребляемого для характеристики общественного строя средневековых номадов? Нам кажется, что это не было бы оправданно. Данный термин хорошо отражает сильные патриархально-родовые пережитки в феодальных отношениях у кочевников, в том числе и «неявную» форму феодальной собственности. Было бы ошибкой отрицать своеобразие феодальных отношений у них. Но при этом нельзя забывать и общих, внутренних и самых существенных черт в их общественном строе, сходных в принципе с общими чертами «оседлого» феодализма.

Феодализация невозможна без государства как аппарата классового насилия. Будучи само продуктом классовобразования, возникнув в результате определенного исторического скачка, оно в условиях средневековья становится мощным стимулом развития процесса феодализации, создания поземельной феодальной собственности. У кочевников феодальные отношения развиваются именно там, где возникает мощное государство, обычно связанное с завоеваниями, как это имело место в эпоху походов Чингис-хана и его преемников. В тех же районах обитания кочевников, где поставленная над обществом власть вышла из институтов родоплеменной субординации без резких внутренних объединительных войн и внешних завоеваний, выдвигающих один род, одну семью на недостижимую высоту богатства и власти, такие отношения действительно остаются недоразвитыми. Там не происходит феодальной по существу раздачи в уделы населения, перераспределения земли, ломки старой общественной структуры.

Софизмом оказалось бы, однако, заключение о том, что этот тезис приводит к идее о прогрессивности монгольского завоевания и Золотой Орды, в частности, потому, что они якобы способствовали развитию у номадов феодализма. Монгольские завоевания были реакционным явлением, задержавшим развитие ряда стран и разрушившим огромную массу производительных сил. Созданные завоевателями государства являлись паразитическими, такими же наростами были и недолговечные, хотя и буйно расцветшие города Золотой Орды. Но государство Золотой Орды, государство Чингизидов в Монголии оставались тем не менее феодальными и более того — феодально-кочевническими. Города и оседлость, с одной стороны, и кочевые степи — с другой, являлись двумя социально-экономическими сферами в Золотой Орде, мало и поверхностно связанными друг с другом. Наличие городов не отрицает ни феодальных отношений в кочевых районах Золотой Орды, ни теории «кочевого феодализма». Но такой путь феодальных отношений в кочевых районах был «тупиковым», так же как историческим «пустоцветом» оказались золотоордынские города. Реакционность держав подобного типа именно в этом, видимо, и заключалась.